

Худолеев Алексей Николаевич

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ П. Н. ТКАЧЕВА

Автор анализирует понимание П. Н. Ткачевым роли государства, революционной диктатуры, революционной интеллигенции и народа в процессе строительства социалистического общества. В итоге делается вывод о трансформации демократических ценностей в социально-политической концепции П. Н. Ткачева и развитии ее в сторону построения тоталитарного общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/59.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 214-217. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).081

Автор анализирует понимание П. Н. Ткачевым роли государства, революционной диктатуры, революционной интеллигенции и народа в процессе строительства социалистического общества. В итоге делается вывод о трансформации демократических ценностей в социально-политической концепции П. Н. Ткачева и развитии ее в сторону построения тоталитарного общества.

Ключевые слова и фразы: П. Н. Ткачев; радикализм; народничество; революционное движение; русский бланкизм; русская общественная мысль.

Алексей Николаевич Худолеев, к.и.н., доцент

Кафедра отечественной истории и методики преподавания истории

Кузбасская государственная педагогическая академия

khudoleev73@mail.ru

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ П. Н. ТКАЧЕВА[©]

Большое место в социально-политической концепции П. Н. Ткачева отводится проблеме приобретения и удержания власти, а также методам управления в будущем социалистическом обществе. По этим вопросам Ткачев расходился со многими коллегами по революционно-народническому лагерю [16; 17]. Его идеи были оригинальны для своего времени и контрастировали с общим духом народнической доктрины. Прежде всего, речь идет об убежденном этатизме Ткачева, его понимании значения государственных институтов в социалистическом обществе. В предисловии к вышедшей в 1868 г. книге немецкого социалиста Э. Бехера «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению» Ткачев заявил, что для успешного развития социалистических преобразований необходимо государство буржуазии превратить в государство рабочих, в котором работники сделаются единственным центром социального порядка, и кроме них «никто не должен быть терпим в обществе» [9, с. 326].

Государство понималось Ткачевым как воплощение силы, а значит и власти, имеющей полную возможность заставить повиноваться своим распоряжениям. Здесь же Ткачев проявил себя сторонником метода революционной диктатуры. Э. Бехер надеялся, что своевременное решение рабочего вопроса посредством реформ уничтожит опасность столкновения между имущими и неимущими и поможет избежать замены эксплуатации олигархов на эксплуатацию пролетариев, поскольку в таком случае переменятся только лица, но сущность дела не изменится.

С этим утверждением Ткачев категорически не был согласен. Во-первых, по его мнению, «говорить об *естественном переходе* старого порядка в новый нелепо, – нелепо потому, что... принципы первого диаметрально противоположны принципам второго», а, во-вторых, в случае прихода к власти рабочих «изменятся не только лица, но и самая сущность дела» [Там же, с. 310, 327]. Ткачев был уверен в том, что революционное государство нетождественно государству буржуазному, а революционная диктатура – диктатуре буржуазной.

С проблемой революции, вписанной в исторический процесс, связана постановка Ткачевым вопроса о роли личности и масс в истории. Петр Никитич высоко оценивал роль и возможности отдельной личности, подчеркивая, что «личная деятельность может разрушить то, что создали века, и проложить новую дорогу для дальнейшего развития человечества» [13, с. 259]. Данный вывод содержит в себе понимание Ткачевым значения передовой интеллигенции. В одной из статей за 1868 г. он разделил российское общество на меньшинство, «стоящее по своему миросозерцанию в аванпосте европейской интеллигенции» («цивилизованная толпа»), и на большинство, «по складу своего ума и по образу своей жизни приближающееся к состоянию первобытных людей» («нецивилизованная толпа», то есть – народ) [8, с. 5]. Как соединить столь разные элементы в одной системе исторического процесса? Ткачев отвечает на этот вопрос посредством анализа потенциальных возможностей, заложенных в «цивилизованной» и «нецивилизованной» толпе.

Начиная с «нецивилизованной» толпы, он призывает отказаться, во-первых, от «иллюзии народного *саморазвития*», когда говорят, что «призывать ее (*нецивилизованную толпу* – А. Х.) к деятельности еще слишком преждевременно; что надо подождать, покуда она поумнеет», а, во-вторых, от «иллюзии *народного гения*», когда утверждают, что «нецивилизованная толпа... стоит несравненно выше толпы цивилизованной... не ее нужно учить, а у нее нужно учиться» [10, с. 162]. Здесь Ткачев вплотную подходит к той стержневой установке, которая затем ляжет в основу его модели революции. «Нецивилизованная» толпа, взятая во всей ее совокупности, не верит и не может верить в свои силы. Она никогда по собственной инициативе не начнет и не может начать борьбы с окружающей ее бедностью.

И тут на авансцену выходит «цивилизованная» толпа – передовая интеллигенция, как авангард революционной борьбы народа, его благодетель и защитник. Все стремления «цивилизованной» толпы должны быть направлены на создание силы, в которую бы поверил народ. Она должна найти эту силу «в самой себе, в своем сознании, в своем более высоком умственном развитии, в своих нравственных и интеллектуальных условиях, среди которых она живет и действует» [Там же, с. 204].

Для нравственного обоснования деятельности цивилизованного меньшинства («людей будущего») Ткачев разработал особую мораль, своеобразный «кодекс чести» революционера. «Новый тип» представлялся ему человеком, привыкшим «жертвовать всем в жизни для достижения своих целей», человеком, о котором все близко знавшие его единогласно говорили бы, что «для него нет ничего святого, кроме его принципов» [5, с. 131]. Ткачев стирал границы нравственности, провозглашая, что нравственное правило, как все житейское, имеет характер относительный, и важность его определяется «важностью того интереса, для охраны которого оно создано» [4, с. 137].

Эти положения Ткачев развил в своем журнале «Набат», который стал издаваться в Женеве в конце 1875 г. В программном выпуске «Набата» Ткачев сформулировал конечную цель социалистических преобразований. Она заключалась в построении на месте государства анархического общества. На первый взгляд, данная мысль находилась в русле концепции М. А. Бакунина. Но, в отличие от теоретика анархизма, Петр Никитич признавал анархию «только как желательный «идеал» отдаленного будущего» [Там же, с. 3]. Тем самым проводился четкий водораздел между революцией политической и социальной, причем последняя являлась продолжением первой.

Пропагандируемая Ткачевым концепция политической революции в качестве необходимого условия для революции социальной не вписывалась в устоявшийся и широко распространенный в среде народников взгляд об аморализме и вредности государственной власти, в чьих бы руках она не находилась. Как вспоминал народник Л. Э. Шишко, «тогда среди русских революционеров господствовало сильное предубеждение против политического якобинства, против революционной диктатуры, против мысли о пересоздании общественного строя путем декретов» [14, с. 24].

Для достижения конечной цели необходимо, по мнению Ткачева, коренным образом перестроить экономические, социальные, политические структуры общества путем уничтожения старых форм и введения новых. Свои надежды на осуществление этой задачи Ткачев, естественно, связывал с революционным меньшинством, которое «в силу своего более высокого умственного и нравственного развития всегда имеет и должно иметь умственную и нравственную власть над большинством» [4, с. 4]. Чтобы выполнить свою миссию, революционное меньшинство с необходимостью должно обладать политической властью. Однако захват политической власти и создание революционного государства – это только прелюдия революции. Дальнейший ее ход определяется самим революционным государством, которому отводится две роли: революционно-разрушительная и революционно-устроительная. Сущность первой – «борьба, а, следовательно, насилие», борьба без всяких колебаний и компромиссов; суть второй – постепенность, эластичность, «прочность и удобоприменяемость вводимых в жизнь перемен» [Там же, с. 5]. В схеме Ткачева находится место и органу народного представительства – Народной Думе, которая санкционирует реформаторскую деятельность революционного правительства.

Реформы должны были охватить все сферы общественной жизни и состояли в следующем: преобразовании современной крестьянской общины в «общину-коммуну», основанную на принципе общего пользования орудиями производства и совместного труда; экспроприации орудий производства и в передаче их в общее пользование; во введении таких общественных учреждений, которые «устраняли бы необходимость какого бы то ни было посредничества при обмене продуктов»; устранении физического, умственного и нравственного неравенства между людьми путем одинакового для всех общественного воспитания; уничтожении института семьи и, в конечном итоге, «упразднении центральных функций государственной власти», то есть достижении анархического идеала [Там же].

Отличие своего понятия об анархизме от бакунинского Ткачев продемонстрировал в статье под ироничным названием «Анархическое государство». Ткачев постарался вскрыть, по его выражению, «гермафродитизм» того общества, которое хотели построить анархисты-бакунисты; общества, лишённого государственной власти, и, в то же время, основанного на «общественных службах» [3, с. 15]. По мнению Петра Никитича, никакая «общественная служба» немыслима без власти и принуждения, и, следовательно, все проекты «организации общественной службы» суть не что иное, как проекты «организации общественной власти», то есть государства [2, с. 15].

К проблеме государственной власти и управления Ткачев неоднократно возвращался на страницах «Набата». Так, в статье «Революция и государство» он называет главными атрибутами государственного устройства силу и власть. Только обладая ими, меньшинство может «заставить большинство, то косное рутинное большинство, которое не доросло еще до понимания необходимости революции и не уяснило себе ее цели и задачи, переустроить свою жизнь сообразно с его истинными потребностями, сообразно с идеалом наилучшего и наисправедливейшего общежития» [12, с. 9]. При этом он не боялся вполне возможного при переделке «косного, рутинного большинства» потока крови.

Критикуя в статье «Накануне и на другой день революции» П. Л. Лаврова, Ткачев сформулировал основной принцип своего социально-нравственного кредо: «что полезно для общества, что способствует осуществлению человеческого счастья, то и справедливо» [6, с. 18]. «Мы не боимся риску, – рубил с плеча Ткачев, – ни нам, ни народу нечего жалеть, нечего терять! Пораженные раз, мы поднимемся в другой раз, мы будем подниматься и рисковать до тех пор, пока не победим. И мы победим, потому что с нами наша вера» [11, с. 5]. В своем безудержном фанатизме, порождавшем установку «революция, во что бы то ни стало», Ткачев выходил за рамки моральной ответственности за свои призывы, через принцип целесообразности постепенно скатываясь в лоно экстремизма.

Народ не воспринимался Ткачевым всерьез в качестве главного субъекта управления. По воспоминаниям старшей сестры Ткачева А. Н. Анненской, еще в юношеские годы большинство населения России представлялось ему косной массой, неспособной не понимать, не отстаивать свои интересы. Сознательное революционно-настроенное меньшинство должно было создать для него новый, лучший строй жизни и насильно заставить его принять этот строй [1, с. 62]. В эмиграции Ткачев актуализировал эту мысль. Он целенаправленно и методично изобличал «пошлость и бессмысленность фраз о каком-то народном гении», особо подчеркивая, что народ «ничего не видит, ничего не знает и знать ничего не хочет» [7, с. 2]. Это позволило Ткачеву сделать вывод о консервативности идеалов русского народа, о его неспособности выполнять созидательные функции.

Роль народа в революции ограничивается только функцией разрушительной. Народ, по мнению Ткачева, способен разрушить старый мир, «но дальше он не пойдет». И поэтому честь строительства нового общества принадлежит исключительно революционному меньшинству, которое в своей реформаторской деятельности не должно рассчитывать на «активную поддержку народа» [Там же, с. 4]. Можно предположить, что в таком случае представлял бы из себя провозглашенный Ткачевым парламент. Если бы Народная Дума и была сформирована, то либо из представителей самого революционного меньшинства, либо из пассивного «болота». В любом случае такая Дума была бы «карманной», не выражающей истинные интересы и волю народа, бессловесным придатком правящего меньшинства.

Это, кстати, оттолкнуло от Ткачева народолюбцев. Восприняв ключевые положения доктрины Ткачева, народолюбцы не сошлись с ним во взгляде на роль и место народа в революции – моменте очень важном и существенном, так как речь шла о том, в каком качестве выступит народ в революции: как полноправный субъект революционных преобразований, имеющий право на выражение своего мнения, своей воли и возможность устроить жизнь согласно собственным идеалам и представлениям, или же как безгласный и безвольный объект, некий «плацдарм» для политических и социальных экспериментов сознательного меньшинства, когда оно, «используя государство и его карательные органы, путем насилия будет воплощать в действительность социалистический идеал» [15, с. 111].

Таким образом, социально-политическая концепция Ткачева свидетельствовала об ослаблении демократической, гуманистической составляющей народнической доктрины и усилении в ней радикальной тенденции, когда ключевая формула «во имя народа и посредством народа» была заменена на постулат «во имя народа, но без народа». Подчеркивание приоритета политической революции над революцией социальной, необходимости использования методов революционной диктатуры, неверие в социально-созидательные возможности народа, фактическое отстранение его от управления новым обществом, абсолютизация роли высокоразвитого меньшинства – все это, вопреки искреннему желанию Ткачева, привело бы, на наш взгляд, не к созданию общества социальной справедливости, а к формированию так называемого «казарменного коммунизма».

Список литературы

1. Анненская А. Н. Из прошлых лет: воспоминания о Н. Ф. Анненском // Русское богатство. 1913. № 1. С. 53-81.
2. Ткачев П. Н. Анархическое государство // Набат. 1876. № 6. С. 14-16.
3. Ткачев П. Н. Анархическое государство // Там же. № 9. С. 12-15.
4. Ткачев П. Н. В набат!: программа журнала // Там же. 1875. Ноябрь. С. 1-7.
5. Ткачев П. Н. Люди будущего и герои мещанства // Ткачев П. Н. Люди будущего и герои мещанства. М.: Современник, 1986. С. 114-159.
6. Ткачев П. Н. Накануне и на другой день революции // Набат. 1877. № 1/2. С. 17-21.
7. Ткачев П. Н. Народ и революция // Там же. 1876. № 4. С. 1-6.
8. Ткачев П. Н. Подрастающие силы // Дело. 1868. № 9. С. 1-27.
9. Ткачев П. Н. Предисловие и примечания к книге Бехера «Рабочий вопрос» // Ткачев П. Н. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 301-327.
10. Ткачев П. Н. Разбитые иллюзии // Ткачев П. Н. Люди будущего и герои мещанства. М.: Современник, 1986. С. 160-204.
11. Ткачев П. Н. Революционеры-реакционеры // Набат. 1876. № 5. С. 1-5.
12. Ткачев П. Н. Революция и государство // Там же. № 2/3. С. 5-11.
13. Ткачев П. Н. Рец. на кн.: Геттнер Г.-Т. «История всеобщей литературы XVIII века» // Ткачев П. Н. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 7-ми т. М.: Издательство Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. Т. 5. С. 177-189.
14. Шишко Л. Э. Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев: из воспоминаний и заметок старого народника. СПб.: Издание Вл. Распопова, 1906. 49 с.
15. Юдин А. И. Идея освобождения народа в русской общественной мысли XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2. С. 107-112.
16. Юдин А. И. М. А. Бакунин: у истоков российского анархизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 2. С. 117-123.
17. Юдин А. И. П. Л. Лавров о значении критической мысли // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 1. С. 202-206.

POWER AND CONTROL PROBLEM IN P. N. TKACHEV'S REVOLUTIONARY THEORY

Aleksei Nikolaevich Khudoleev, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Native History and History Teaching Methods
Kuznetsk Basin State Pedagogical Academy
khudoleev73@mail.ru

The author analyzes P. N. Tkachev's comprehension of the role of state, revolutionary dictatorship, revolutionary intellectuals and people in the process of socialist society development and as a result concludes the transformation of democratic values in P. N. Tkachev's social-political conception and its progress in the direction of totalitarian society development.

Key words and phrases: P. N. Tkachev; radicalism; populism; revolutionary movement; Russian Blanquism; Russian public opinion.

УДК 94(470)+738+666.3/7

В статье на основе фактического материала рассматривается ключевая проблема художественной промышленности – взаимодействие художника с производством, соотношение единичного и массового в производстве. Автор раскрывает основные механизмы перехода единичного образца в массовое производство и определяет роль творческой деятельности мастеров художественной лаборатории на производстве в поддержании общего качественного уровня заводской исполнительской культуры.

Ключевые слова и фразы: искусство и производство; художественная промышленность; южноуральский фарфор; единичное и массовое в художественном производстве.

Наталья Михайловна Шабалина, к.и.н.

Кафедра дизайна

Южно-Уральский государственный университет

nat.shabalina@mail.ru

ИСКУССТВО И ПРОИЗВОДСТВО: К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ЕДИНИЧНОГО И МАССОВОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЮЖНОУРАЛЬСКОГО ФАРФОРОВОГО ЗАВОДА)[©]

Художественная промышленность – достаточно широкая область декоративно-прикладного искусства и своеобразная массовая форма его функционирования. Небывалый размах строительства в период послевоенного времени новых заводов по производству предметов народного хозяйства, к которым относились предприятия фарфорово-фаянсовой, стекольной, текстильной промышленности, способствовал решению не только важнейших хозяйственно-экономических, но и культурных задач, которые ставило правительство перед советским народом. Общие тенденции социокультурного развития общества середины и второй половины XX века во многом определяли интенсивность перехода на массовое строительство – стандартное промышленное возведение жилых и общественных зданий. Новую, во многом упрощенную, предметно-пространственную среду интерьеров необходимо было преобразовать посредством введения художественно оформленных вещей, которые также создавались в массовом промышленном производстве. Поэтому на рубеже 1950-х – 1960-х годов приобрел актуальность лозунг «искусство – в быт», раскрывавший целостную концепцию материального и духовного преобразования жизни советского человека. Направленное действие соответствующих государственных органов советской власти проявилось в организации и финансировании строительства новых заводов по производству товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода. В Советском Союзе почти одновременно были построены следующие фарфоровые заводы: Октябрьский (1960) и Туймазинский (с 1978) в Башкирии; Бугульминский в Татарстане (1976); Краснодарский фарфорофаянсовый «Чайка» (1960, с 2004 – Кубаньфарфор); Сумский (1963) на юге России; Сысертский (1960) и Богдановичский (1973) на Среднем Урале. В этом ряду Южноуральский фарфоровый завод (1963) был одним из многих российских заводов-новостроек середины и второй половины XX века.

На каждом производстве действовала своя художественная лаборатория, ставившая перед собой художественные задачи на фоне выполнения первоочередных производственных планов. Заводское производство гарантировало плановый выпуск бытовой посуды и отвечало за художественное качество выпускаемой продукции. В индустриальном производстве нашел отражение своеобразный дуализм, спровоцировавший много дискуссий на тему соотношения искусства и производства, взаимоотношений художника и технолога, инженера. В индустриальную эпоху, с одной стороны, актуализировались проблемы механизации и автоматизации в художественном производстве, с другой, – заострились вопросы сохранения ручного труда, повышения эстетического уровня массовой продукции, оригинальности и уникальности выставочного или малосерийного